

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА РОССИИ В КОНЦЕПЦИИ О. ШПЕНГЛЕРА

(в контексте влияния Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева)

Игорь Тяпин

Вологодский государственный университет

Цитирование: Тяпин И.Н. Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева) // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 37–45. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.3>.

For citation: Tyapin, I.N. (2019), Problema istoricheskogo vozrasta Rossii v kontseptsii O. Shpenglera (v kontekste vliyaniya N. Ya. Danilevskogo i K. N. Leontyeva) [The problem of the historical age of Russia in the doctrine of O. Spengler (in the context of N. Ya. Danilevsky's and K. N. Leontiev's influence)], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(6), pp. 37–45. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.3>.

Вопрос об историческом возрасте России в концепции О. Шпенглера относится к числу недостаточно разработанных, хотя он безусловно актуален в связи с оценкой современного общественно-политического и духовного состояния страны и ее глобальных перспектив. Методологическим основанием реконструкции представлений Шпенглера об историческом возрасте России выступает сравнительный анализ его концепции и наследия русской консервативной мысли. Немецкий философ, по сути, осуществил определенный – обусловленный европоцентризмом и предвзятым отношением к России – вариант синтеза идей Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева о молодости российского культурно-исторического типа, его восточно-византийских основах, негативном характере западного культурного влияния, недостаточной результативности собственной культурно-государственной жизни. В целом Шпенглер воспринимал современную ему Россию как сравнительно молодой социально-исторический организм, искаженный двумя историческими псевдоморфозами, но все еще способный к культурной оригинальности и обретению себя в качестве постепенно расширяющейся и иерархически организованной азиатской страны посредством достижения соответствующих духовных и геополитических целей.

Ключевые слова: консерватизм, культура, душа народа, исторический возраст, цивилизация, предвремя, первый псевдоморфоз, второй псевдоморфоз.

The question of the historical age of Russia raised by O. Spengler in his philosophical and historical theory has not been thoroughly studied yet. However, it is relevant, especially when the modern socio-political and spiritual issues as well as the global prospects of Russia are considered. The methodological basis for the reconstruction of Spengler's ideas about the historical age of Russia is a comparative analysis of his concept and the classical works of Russian conservative thinkers. The German philosopher, in fact, proposed the same theses which had been advanced in Russia before by N. Ya. Danilevsky and K. N. Leontiev: that the Russian cultural-historic type was rather young, it had the Eastern Byzantine foundations, that the Western cultural influence on Russia was negative, and that there were very few, if any, significant results of the cultural and public development of Russia. It is concluded that in spite of the fact that Spengler never referred to the works of Russian conservative writers he might have been under their influence. In general, Spengler regarded the 19-century Russian state as a relatively young socio-historical organism which had been weakened by the two historical pseudomorphoses but still was able to develop an original culture and to become a constantly expanding and hierarchically organized Asian country in case the appropriate cultural and geopolitical goals were achieved.

Keywords: conservatism, culture, soul of the people, historical age, civilization, pre-time, the first pseudomorphosis, the second pseudomorphosis.

Различие оценок наследия О. Шпенглера (1880–1936) во многом обусловлено полярностью точек зрения по вопросу о степени оригинальности его идей. Еще при жизни Шпенглера ряд академических историков (Г. Бекинг, К. Йоль, Л. Курциус, Э. Метцгнер, Э. Франк, Э. Шварц, В. Шпигельберг) обвиняли его в дилетантизме, а социологи и мыслители (О. Нейман, К. Брейзинг, Ф. Теннис) – в плагиате [5]. Конкретно речь шла о фактологических ошибках в истории Древнего мира, естествознания и искусства, заимствовании идей членения истории на культурно-исторические фазы и дихотомии «культура-цивилизация».

Тем не менее, на сегодняшний день недостаточно публикаций, напрямую посвященных сравнительному анализу историософской концепции О. Шпенглера. В рамках указанной проблемы вопрос идейного влияния на представителя «второго поколения» философии жизни некоторых видных фигур славянофильского и охранительного направлений русской мысли, прежде всего Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева (по словам М. А. Емельянова-Лукьянчикова, двух равновеликих «отцов-основателей» цивилизационного подхода в русской науке [4, с. 9]) относится к числу крайне спорных и едва ли не загадочных. Дело в том, что здесь мы имеем дело с ситуацией бросающегося в глаза идейного сходства при отсутствии ссылок и прямых документальных подтверждений (сам Шпенглер прямо ссылался на Н. М. Карамзина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, К. С. Аксакова, А. М. Горького, П. Н. Милюкова, называл даже В. И. Ленина, но совершенно не упоминал наиболее идейно близких к нему авторов, хотя вполне мог быть знаком с их трудами), что продолжает создавать почву для дискуссий и полемики.

Между тем, о явном влиянии первого из крупнейших русских мыслителей-антизападников XIX в. на главный труд Шпенглера «*Der Untergang des Abendlandes*» свидетельствует хотя бы следующий тезис Данилевского: «Для коллективного... и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и равноместного (т. е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе» [11, с. 135]. Что касается влияния второго антизападника – К. Н. Леонтьева, то здесь можно увидеть прямую перекличку идей (скажем, о трехстадиальности исторического развития самостоятельных цивилизаций), взглядов, стиля, совпадение и сходство формулировок.

Из современных российских исследователей поставленную проблему довольно основательно рассматривали И. А. Голосенко, К. В. Султанов [3], А. С. Маджаров [6, 7], О. В. Прорешная [8], М. А. Емельянов-Лукьянчиков [4] и др. Однако не все вопросы оказались раскрыты по-настоящему полно. Кроме того, в работах упомянутых авторов аспект культурологический превалирует над историософским. И это при том, что сам Шпенглер рассматривал «мир-как-организм», «мир-как-историю», охватывающий «все лики и движения в их глубочайшем и последнем значении» в картине становления. В отличие от «природы», упорядоченной пространственными отношениями, в истории действует логика времени – «идея органически необходимой судьбы» [9, с. 349]. В частности, к числу недос-

таточно разработанных относится вопрос об историческом возрасте России как культурно/цивилизационно-политического организма, при том что обращение к данному вопросу, безусловно, актуально в контексте определения ее современного состояния и глобальных перспектив.

Как известно, основными концептами философии истории Шпенглера выступают: 1) «гештальт истории» – образ, при помощи которого воображение человека стремится почерпнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким способом придать ей углубленную действительность; 2) «культура» – могущественное творчество созревающей души, расцвет высокого искусства, имманентное действие государственной идеи среди группы народов, объединенных единым мироощущением; 3) «душа народа» – общая идея, внутренняя форма данной культуры, которой обладают все сословия и классы, порождающая великие исторические события и народы; 4) «цивилизация» – стадия кризиса культуры, замена вопросов религиозного и метафизического характера вопросами жизненной практики, творчества – интерпретацией, распад монументальных форм в искусстве, быстрая смена чужих входящих в моду стилей, превращение народных организмов в массы, космополитизм вместо отчизны, холодный фактический смысл вместо благоговения перед преданием, научная иррелигиозность, естественные права вместо приобретенных; 5) «псевдоморфоз» – события и процессы влияния старой культуры на молодую, мешающие последней «задышать полной грудью», раскрыть собственные формы, достигнуть «полного развития своего самосознания» [17, с. 647].

Вопрос об историческом возрасте российской культуры оказывается связан со всеми вышеназванными концептами. И здесь интересно, как Шпенглер переходит от идей одного автора к идеям другого и пытается их соединить. Взгляд Шпенглера на историю и «дух» России поставил немецкого автора в ряд тех мыслителей, которые пытались понять специфику (самобытность) русской истории и души, не сводя эту самобытность к отсталости и призывам к догоняюще-копирующей модернизации. Как известно, и Шпенглер, и Данилевский считали русскую культуру более юной по сравнению с западной. Данилевский за полвека до Шпенглера писал, что каждая культура, как организм, проходит все стадии развития – от рождения до распада, и подчеркивал, что применить к ним единую хронологию – Древний мир, Средние века, Новое время – невозможно, ибо у любой культуры есть свой Древний мир, свои Средние века и свое Новое время. Русский мыслитель утверждал, что Запад уже прошел период своего «культурного цветения» и находится на спаде, хотя терминологически и не выделял, как немецкий философ, в исторической динамике культуру и цивилизацию. Россию же Данилевский считал более молодым историко-культурным типом, утверждал, что она моложе Европы на «четыре столетия» [6, с. 51], далека от перехода к цивилизации и, соответственно, делал выводы о наличии у нее долгосрочного успешного будущего.

Шпенглер «омолодил» Россию еще больше, полностью игнорируя период IX–XIV вв. (при том, что он сам анализировал русские сказания и былины о князе Владимире и Илье Муромце). Собственно, изложение «мира фактов» русской истории (точнее, если следовать его доктрине, предыстории), немецкий мыслитель начал с правления Ивана III, протягивая русскую предысторию до Петра I. Эти приблизительно два века

Шпенглер определял как «русскую эпоху Меровингов» (при том, что эпоху Меровингов и Каролингов в западной культуре он отнес к «предвремени», времени *до культуры*, и, следовательно, до истории). Карл Великий, в концепции Шпенглера, – это «современник» Петра Великого [17, с. 650–651]. По мнению А. С. Маджарова, такой подход к открытию (точке отсчета) русской истории был обусловлен влиянием на Шпенглера «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, с его заключением: «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие» [7, с. 181].

Также общеизвестно, что тему специфики русской души и ее принципиального отличия от души западной подняли еще славянофилы и почвенники, в частности К. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский (Россия к романо-германской цивилизации не принадлежит и, более того, чужда европейскому миру по своему внутреннему складу), а вслед за ними и через них, в рамках своей доктрины, и Шпенглер. Все авторы сходно определяли коренную черту западной и русской культур, являясь симпатизантами своей. Поэтому насильственность как коренную черту западной культуры, по Данилевскому, Шпенглер смягчил до воли к власти, а терпимость как главную характеристику русской культуры, противопоставляя, как и Данилевский, стремлению к господству, снизил до безвольности. Прасимволом русской «безвольной души», в противовес «волевой фаустовской», по мнению Шпенглера, является «бесконечная равнина». Русский пытается безымянно раствориться в братском мире.

Из приведенных цитат и суждений может сложиться вывод, что, по мнению Шпенглера, Россия моложе Запада примерно на 900 лет. Если для Данилевского Россия – это *многоосновный культурно-исторический тип*, выгодно отличающийся от одно-двухосновных предшественников, то для Шпенглера – всего лишь *зародыш* многого. Однако при дальнейшем рассмотрении вопрос оказывается куда сложнее.

Согласно Шпенглеру, Петр Великий стал носителем «злого рока рускости». Вместо «чистой» своей культуры явился исторический псевдоморфоз (первый в истории России: от основания Петербурга до революции 1917 г.) – «петровская Русь». Вступление Александра I в Париж, «Священный союз» (1815), вхождение России в «европейский концерт» наряду с «поздними искусствами и науками, просвещением, социальной этикой, материализмом мировой столицы» – все это он характеризует как «искусственную неподлинную историю» [17, с. 651]. В петровской России Шпенглер видел «изначальное крестьянство» «в лишенном городов краю» (чтобы понять смысл этого тезиса, следует учитывать политические взгляды Шпенглера: в качестве основного структурирующего элемента государства у него выступает дворянство, в то время как крестьянство не является актором истории, но выполняет функции корней, которые поставляют растению культуры необходимые для его развития жизненные соки, а оторванное от жизни духовенство создает духовно-ценностные ориентиры [1]). В душе русского народа, по его мнению, была заложена «тяга к святому югу, к Византии и Иерусалиму». Религиозный язык был единственным языком, «на котором человек только и спо-

собен был понять себя и мир» [17, с. 651]. Размах русской революции 1917 г. был вызван стремлением народа «исцелиться от болезни» псевдоморфоза, закончившемся впадением в другой псевдоморфоз. Народ, по словам философа, в революции уничтожил западный мир руками его же учеников, а затем отправил следом и их самих [17, с. 654].

Таким образом, Шпенглер выделял в истории России три этапа: 1) докультурный и доисторический период «предвремени»; 2) ареал первого псевдоморфоза; 3) Россия при большевиках (продолжателях дела Петра I) – время второго псевдоморфоза (примечательно, правда, что отношение к большевикам у Шпенглера менялось: если в «Закате Европы» большевики – это носители западного марксизма, то «Годах решения» утверждает, что большевистское правительство не имеет ничего общего с государством петровской России: «Подобно кипчаку, царству Золотой Орды в монгольскую пору, оно состоит из господствующей орды, именуемой коммунистической партией – с главарями и могущественным ханом, а также с несметной покорной и беззащитной массой» [16, с. 64]). Тогда получается, что настоящей истории, по Шпенглеру, у России – «Азии», «госпожи в Азии» – (еще) толком не было? Тем паче, что русские для Шпенглера вообще не являются народом в том смысле, как немцы или англичане, они лишь содержат в себе возможности многих народов будущего. Примечательно также, что немецкий мыслитель относил русских не к белым, а к так называемым «цветным» народам (отсюда две революции 1917 г. определяются у него как «белая» и «цветная»).

Противоречие интерпретирующих выводов отчасти снимается, если принять во внимание еще и фигуру Леонтьева, который, видимо, изначально привлек Шпенглера своим явным охранительством и антидемократизмом. Леонтьев в своей философии русской истории перенес акцент на анализ исторической связи России с византийской цивилизацией. «Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности», – полагал философ, призывая к развитию «своей собственной, оригинальной, славяноазиатской цивилизации» с центром в Константинополе, полностью отличающейся от цивилизации европейской с ее торжествующим мещанством. «Царьград, – утверждал Леонтьев, – есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно... предназначенные составить с Россией во главе *великий восточно-православный союз*» [15, с. 146].

В отличие от Данилевского (и впоследствии Шпенглера), Леонтьев начинает историю России почти одновременно с европейской: «С чего бы мы ни начали считать нашу историю, с Рюрика ли (862), или с крещения Владимира (988), – пишет он, – во всяком случае, выйдет или 1012 лет или 886. В первом случае мы несколько не моложе Европы; ибо и ее государственность надо считать с IX века» [15, с. 130] (правда, сам мыслитель склонялся к тому, чтобы вести отсчет с крещения Руси). Далее, по Леонтьеву, «нашу эпоху Возрождения, наш XV век, начало нашего более сложного и органического цветения, наше, так сказать, единство в многообразии надо искать в XVIII веке, во время Петра I или, по крайней

мере, первые проблески при жизни его отца», когда к прежнему византизму добавилось европейское влияние [15, с. 130].

Последующее время Леонтьев (в рамках известной концепции трехчастного деления истории каждой самостоятельной культуры) именовал «дифференцирующим процессом русской исторической жизни», весьма высоко оценивая деятельность Петра I, его «прогрессивный и аристократический» деспотизм как начало разнообразия, без которого нет «творчества у народов [15, с. 27]», а также Екатерины II, которая «вела Россию к цветению, к творчеству и росту» тем, что усиливала сословное неравенство [15, с. 27]. В это время российская цивилизация стала так крепка, оригинальна и сложна, что вполне могла впитать многие ценности Западной Европы, не опасаясь расшатать своих основ. Периодом наивысшего культурного расцвета выступает первая половина XIX в. (появление Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Гоголя). Однако в реформах Александра II Леонтьев видел только стремление разрушить византийские основы, «уничтожить везде» остатки Московской России: «С 61-го года нашего столетия крайний европеизм, по-видимому, торжествует; иллюзия “благоденственной” эвдемонической демократизации увлекает петербургски настроенную интеллигенцию всей России; начинается разложение петровской России по последним европейским образцам. Тысячелетие русской государственности ставят памятник в Новгороде; а тысячелетие для государств – цифра роковая и страшная» [15, с. 212–213]. Заимствуя начала, обычаи и институты вырождающейся западной цивилизации (т. е., выражаясь языком Шпенглера, допуская и осуществляя псевдоморфоз), Россия сокращает срок своей исторической жизни.

В рамках обозначенной выше проблемы культурной государственности Леонтьев нередко проводил мысль о том, что сама Россия почти ничего исторического, в сравнении с Западом, не создала («наше сравнительное умственное бесплодие в прошедшем»), так что без самодержавия, православия и общинной организации от российской цивилизации ничего не останется. «Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела», – с грустной торжественностью подводил консервативный мыслитель предварительные итоги российской истории [15, с. 133, 135]. В 1885 г. он сравнивал Россию с 40-летним человеком, которого «младенцем вновь не сделаешь, а можно сделать его *легко* похожим на этого младенца стариком беззубым» [10, с. 175]. Незадолго до смерти Леонтьев пишет: «Не молоды и мы. Оставим это безумное самообольщение! Быть в 50 лет моложе 70-летнего старика (имеется в виду Европа. – *И.Т.*) еще не значит быть юным» [12, с. 680].

Путь возрождения (или, по крайней мере, частичного выздоровления) России виделся Леонтьеву в определенном смешении этносов, введении в славянскую среду некоторой доли «физиологических примесей», чтобы усилить уже имевшиеся в характере русского народа «азиатские черты»: покорность властям, отвагу, добродушие, религиозный мистицизм (без полного поглощения национальных меньшинств). «Не люблю я, – провозглашал он, – нашу чистую русскую кровь! Любил прежде крепко, но беспорядок, бесхарактерность, неустойчивость надоели смертельно!» [13, с. 409] (здесь просто напрашивается аналогия с шпенглеровским безволием рус-

ской души). За два года до смерти Леонтьев выдвинул концепцию «трех путей» (вариантов) развития России: «Что-нибудь одно из трех: 1) *Особая культура*, особый строй, особый быт, подчинение своему *Церковному Единству*; или 2) *Подчинение* Славянской *государственности Римскому Папству*; или 3) *Взять в руки* крайнее *революционное* движение и... ставши во главе его – стереть с лица земли *буржуазную* культуру Европы» [14]. Все более сомневаясь в реальности первого пути («нам предстоит только две дороги – обе бесповоротно европейские»), в последние месяцы жизни он уже называет Россию сфинксом, а русских – «Гогами и Магогами», что нисколько не исключает внешнего величия: «Россия же вполне бессловная не станет ли скорее, чем мы обыкновенно думаем, во главе именно того общереволюционного движения, которое неуклонно стремится разрушить когда-то столь великие культурно-государственные здания Запада?... Ведь и это своего рода призвание; и это – историческое назначение особого характера» [12, с. 689]. Промежуточный вариант – Россия станет лидером особого, иерархического социализма. Создать корпоративный порядок способно только самодержавие, уже имеющее в наличии такие необходимые для этого инструменты, как церковь и поземельная община. Социалистический строй, монастырскую (киновияльную) структуру которого Леонтьев неоднократно подчеркивал, должен был стать для России своеобразным преобразованием, принятием нового образа и «чина».

Весьма схожие мотивы обнаруживаются и в работах Шпенглера применительно к Германии: авторитарно управляемое государство общественной гармонии с «деполитизированным народом»; важность не чистоты расы, а силы, которую содержит в себе народ; «истинный социализм» как прусский идеал власти – «прусский стиль», означающий уважение к рангу, восприятие жизни как службы, стремление к самовыражению в своем труде, подчинение личной воли общим обязанностям.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии прямого влияния печатного наследия Данилевского и Леонтьева на философско-историческую и культурологическую концепцию Шпенглера. Отсутствие прямых ссылок как раз и доказывает значительный масштаб этого влияния, поскольку главный принцип работы с источниками для Шпенглера состоял, очевидно, в том, чтобы ссылаться на того или иного автора по частным, вспомогательным вопросам, но не ссылаться при обращении к центральным идеям. По сути, Шпенглер попытался синтезировать главнейший тезис Данилевского о молодости русского культурно-исторического типа с постулатами Леонтьева о восточно-византийских основах России как государства и культуры, негативном характере западного культурного влияния (по крайней мере, во второй половине XIX в.), недостаточной результативности российской культурно-государственной жизни. Но этот синтез не стал органическим, непротиворечивым, причем не только потому, что представления Шпенглера о российской истории и культуре были все-таки не вполне зрелыми и недостаточно систематизированными, но и поскольку он был осуществлен в рамках довлеющих над немецким мыслителем европо- и (особенно) германоцентризма, а также вечных западных предрассудков по отношению к России.

В результате ответ на ключевой для «циклического» понимания истории вопрос об историческом возрасте России и соответственно ее перспективах остался у Шпенглера напрямую не сформулированным, однако поддающимся реконструкции. Россия первой трети XX в. для немецкого мыслителя – еще молодой культурно-исторический организм, начавший преждевременно «болеть» и «увядать» из-за неподходящего для него духовного и телесного «режима», который, однако, еще может выздороветь, если вернется к правильным основаниям (решающий шаг к рождению будущей русско-христианской культуры будет сделан, когда русский народ свергнет большевизм). Похоже, что таковые связывались Шпенглером с русским «кочевничеством» на Восток («Тихий поезд России идет в Иерусалим и во внутреннюю Азию, и врагом ее всегда станет тот, кто эти пути преградит») и в какой-то степени «объектной» ролью в отношениях с центральной Европой (отсюда и известные предложения немецкого мыслителя о необходимости и полезности для Германии стратегического сотрудничества с Россией, внедрения там германскими руками передовых технологий взамен на использование российских сырьевых ресурсов).

Литература

Исследования

1. *Афанасьев В.В.* Социология политики Освальда Шпенглера. М.: КДУ, 2009.
2. *Афанасьев В.В.* Философия политики Освальда Шпенглера: дис. соиск. уч. степ. докт. полит. наук / 23.00.01. М., 2007.
3. *Голосенко И.А., Султанов К.В.* Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 3. № 1. С. 43–54.
4. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Концепция исторического развития в наследии русских и европейских основателей цивилизационного подхода: дис. соиск. уч. степ. канд. ист. наук / 07.00.02. М., 2006.
5. *Зимовец Л.Г.* Кризис культуры в культурологических концепциях Н. А. Бердяева и О. Шпенглера: дис. соиск. уч. степ. докт. филос. наук / 24.00.01. Ростов-на-Дону, 2011.
6. *Маджаров А.С.* Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о соотношении России и Европы как культурно-исторических типов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2014. Т. 9. С. 47–52.
7. *Маджаров А.С.* Освальд Шпенглер и русская историография XIX в. о специфике (псевдоморфозе) русской истории // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2012. № 1 (2). С. 176–187.
8. *Прорешная О.В.* Встреча двух онтологий культуры: Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер // Вопросы культурологии. 2009. № 1. С. 14–17.
9. *Сергейчик Е.М.* Философия истории. СПб.: Лань, 2002.

Источники

10. *Аггеев К.М.* Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев: Тип. П. Барского, 1909.

11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014.
12. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996.
13. Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). СПб.: Пушкинский фонд, 1993.
14. Леонтьев К.Н. Письмо Т. И. Филиппову // ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2084.
15. Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. М.: АСТ, 2003.
16. Шпенглер О. Годы решений. М.: Скимень, 2006.
17. Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010.

Tyapin, Igor N. *The problem of the historical age of Russia in the doctrine of O. Spengler (in the context of the influence from N. Ya. Danilevsky and K. N. Leontiev)*

References

1. Afanasyev, V.V. (2009), *Sotsiologiya politiki Osvalda Shpenglera* [Sociology of politics by Oswald Spengler], KDU, Moscow.
2. Afanasyev, V.V. (2007), *Philosophy of politics by Oswald Spengler*, Abstract of Ph.D. Thesis in Political Sciences, Moscow.
3. Golosenko, I.A., and Sultanov, K.V. (1998), Kul'turnaya morfologiya O. Shpenglera o "likah Rossii" [O. Spengler's Cultural morphology on the "faces of Russia"], in *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 3, no. 1, pp. 43–54.
4. Yemelyanov-Lukyanchikov, M.A. (2006), *The conception of historical development in the works of Russian and European founders of the civilizational approach*, Abstract of Ph.D. Thesis in History, Moscow.
5. Zimovets, L.G. (2011), *The crisis of culture described in the culturology conceptions of N. A. Berdyaev and O. Spengler*, Abstract of D.Sc. dissertation, Rostov-na-Donu.
6. Madzharov, A.S. (2014), N. Ya. Danilevskiy i O. Shpengler o sootnoshenii Rossii i Evropy kak kulturno-istoricheskikh tipov [N. Ya. Danilevsky and O. Spengler on the relationship between Russia and Europe as cultural-historic types], in *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State University of Economics], ser. "History", vol. 9, pp. 47–52.
7. Madzharov, A.S. (2012), Osvald Shpengler i russkaya istoriografiya XIX v. o spetsifike (pseudomorfoze) russkoy istorii [Oswald Spengler and the 19th century Russian historiography on the specifics (pseudomorphosis) of Russian history], in *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State University of Economics], ser. "History", no. 1 (2), pp. 176–187.
8. Proreshnaya, O.V. (2009), Vstrecha dvukh ontologiy kultury: N. Ya. Danilevskiy i O. Shpengler [Meeting of the two ontologies of culture: N. Ya. Danilevsky and O. Spengler], in *Voprosy kulturologii* [Questions of Culturology], no. 1, pp. 14–17.
9. Sergeychik, E.M. (2002), *Filosofiya istorii* [Philosophy of History], Lan', St. Petersburg.